

Для послесталинского периода истории СССР задачи по освоению космоса, безусловно, были приоритетом номер один. На первом этапе развития отечественная космонавтика достигла небывалых высот. Ее успехи в 1950–60-х гг. вызывали законное чувство гордости за нашу науку — самую передовую в мире, но позже, в семидесятых, именно поражение в космической гонке нагляднее всего показало бесперспективность советского проекта в целом.

От каждого, кто обращался к космической теме в 1950–60-х гг., читатель мог ждать восторженного пафоса, и, как правило, в своих ожиданиях обманут не был. Не совпала с господствующей в советской литературе тональностью, судя по всему, лишь деревенская проза. На фоне всеобщего

энтузиазма скепсис писателей-традиционалистов выделялся особенно заметно.

Прорыв в космос совпал по времени с хрущевской оттепелью, с крушением железного занавеса. Полет Гагарина стал катализатором процесса трансформации советского хронотопа, на что справедливо обратили внимание в книге «60-е. Мир советского человека» П. Вайль и А. Генис: «В сознании утверждалось ощущение новых пространственно-временных отношений. <...> Для советского человека космос был еще и символом тотального освобождения»¹.

Советский мир оттепельного периода — это открытая, расширяющаяся вселенная. Гражданину СССР еще вчера элементарное путешествие в Париж казалась доступно в той же мере, что путешествие в царство мертвых. «...Заграница — миф о загробной жизни. Кто туда попадает, тот не возвращается», — объясняет в «Золотом теленке» (1931) Остап Бендер². Ассоциация заграницы с загробным миром довольно устойчива, ее можно найти, например, и в «Самоубийце» Н. Эрдмана (1928): «— Мы сейчас провожаем Семена Семеновича <...> в мир, откуда не возвращаются. — За границу, наверно? — Нет, подальше...»³. В начале же космической эры даже Луна и Марс представляются советскому человеку вполне доступными для посещения местами. Впрочем, не только советскому. Известный американский психолог искусства Рудольф Арнхейм 11 октября 1959 года записывает в дневнике: «С тех пор как советская ракета облетела луну и вернулась на землю, мое восприятие нашего небесного спутника начало меняться. Я больше не вижу в нем небесное светило или место, которое я никогда не посещу. Теперь Луна смотрится как ориентир

---

¹ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. Изд. 2-е, испр. М., 1998. С. 15, 25.

² Ильф И., Петров Е. Золотой теленок // Ильф И., Петров Е. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. М., 1961. С. 350.

³ Эрдман. Н. Самоубийца // Эрдман Н. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М., 1990. С. 125.

на горизонте, далекий, но достижимый. Это путь, который ведет через космос к другим мирам»⁴.

Деревенская проза этот характерный для эпохи пафос радикального разрыва с почвой, разумеется, принять не могла. Ирония по поводу очень распространенного в начале шестидесятых годов порыва к чужим мирам заметна, в частности, в рассказе Е. И. Носова «Есть ли жизнь на других планетах?» (1965). Героиня этого рассказа, узнав, что ее попутчик — лектор, мгновенно угадывает тему его будущей лекции.

«— Я лектор. Буду читать у вас лекции.

— На какую тему? Есть ли жизнь на других планетах?

— Да... А как вы угадали?

— Что ж тут угадывать? — усмехнулась Лена. — По вас видно. Какой-то вы... потусторонний»⁵.

Лектор Стремухов действительно убежден, что внеземная жизнь существует. Лена предпочла бы, чтобы Земля была единственным местом, где обитают люди. «— А мне не хочется, чтобы еще где-нибудь была жизнь», — перебивает Лена псевдонаучные рассуждения Стремухова, «космонавта... в мокрых брюках», как позже она его метко окрестит⁶.

Анфиска, героиня другого произведения Е. И. Носова — повести «Шумит луговая овсяница» (1966) — вполне разделяет точку зрения Лены: «Вот песни по радио поют, — вздохнула Анфиска. — Про свиданье на луне. Глупости какие, господи! Земли, что ли, мало? Только любите по-хорошему»⁷.

Анфиска, вероятнее всего, говорит о популярнейшей песне из репертуара Ларисы Мондрус «Милый мой фантазер» (музыка

---

⁴ Арнхейм Р. В параболах солнечного света. Заметки об искусстве, психологии и прочем. СПб., 2012. С. 18.

⁵ Носов Е. И. Есть ли жизнь на других планетах? // Молодая гвардия. 1965. № 2. С. 224.

⁶ Там же. С. 225, 227.

⁷ Носов Е. И. Шумит луговая овсяница // Носов Е. И. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 33.

Э. Шварца, стихи А. Дмоховского), в которой тема встречи влюбленных на Луне становится рефреном:

Где ж назначить мне свидание,
Встречу назначить где?
Где же с тобою встретиться мне?
Не под луною, а на Луне.

Ту же или очень похожую на нее песню подразумевает будущий инженер Серега из рассказа В. М. Шукшина «Воскресная тоска» (1962). Серега жестко критикует роман своего соседа по общежитию, небезосновательно подозревая, что положительные герои в произведении того склеены по модным шаблонам литературы начала шестидесятых: «— Песни, наверно, поют о спутниках. <...> Я бы за эти песенки, между прочим, четвертовал. Моду взяли! “Назначаю я свидание на Луне-е!..” — передразнил он кого-то. — Уже свиданье назначил! О! Да ты попади туда! Кто-то голову ломает — рассчитывает, а он уже там. Кретины!» И его приятель, начинающий писатель, вынужденно соглашается: «Между прочим, насчет песенок — это он верно, пожалуй»⁸.

Как и писатели-деревенщики, Шукшин даже на рубеже 1950–60-х гг. не разделял космической эйфории, охватившей почти всех его современников.

Одна из песен на тему межпланетных путешествий не могла привлечь особого внимания Шукшина, ведь называлась она — «Мой Вася» (музыка О. Фельцмана, стихи Г. Ходосова). Эта песня — типичный продукт теплого масскульта. Мотив полета на Луну появляется здесь в финале:

---

⁸ Шукшин В. М. Собр. соч.: в 9 т. Т. 1. Барнаул, 2014. С. 84–85.

В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома (римской) и страницы (арабской) цифрой в скобках.

С тобою хорошо при лунном свете
Мечтать о недалёком ясном дне,
Когда начнутся путешествия в ракете,
То самым первым будет на Луне
Мой Вася!
Он первым будет даже на Луне!

Симптоматично композиционное построение стихов Г. Ходосова. В первых куплетах его песни Вася предстает всего лишь в качестве тени трех знаменитостей пятидесятых: Жерара Филиппа («В кино смотрела я вчера Жерар Филиппа, / А все казалось мне, что это ты, / Мой Вася!»), Ива Монтана («И если слушала я даже Ив Монтана, / То мне казалось, это ты поешь, / Мой Вася!»), Анатолия Ильина («И если сходу гол забил Ильин в ворота, / То мне казалось, это сделал ты, / Мой Вася!»). В расположении звезд кино, эстрады и спорта важна их близость к советскому миру. Актер Жерар Филипп в советский космос никак не вписывается; Ив Монтан, «большой друг» СССР, уже втянут в зону притяжения советского; нападающий же сборной страны по футболу Анатолий Ильин находится внутри советской орбиты. В заключительном куплете песни центростремительное движение неожиданно сменяется центробежным: «мой Вася» наконец-то оказывается не вторым, а первым, но только — на Луне.

Шукшин упомянул песню «Мой Вася» дважды. Сначала — в первом варианте сценария «Посевная кампания» (I, 387). Правда, в окончательном тексте Шукшин оставил название другой песни все того же О. Фельцмана — «Ландыши» (I, 265). Писатель соблазнился прямолинейным контрастом. «Я не верю, что года / Гасят чувства иногда...» — должна была петь Гелена Великанова в сцене, где герой признается секретарю райкома в супружеской измене и сообщает о грядущем разводе. Оставив песню «Мой Вася», Шукшин добился бы более тонкого эффекта, примерно такого же, как в рассказе «Крыша над головой» (1970).

В самом конце этого рассказа автор пьесы ««Крыша» над головой» присылает в кружок художественной самодеятельности, где происходит читка его произведения, телеграмму с уточнением: «Песню “Мой Вася” снимите. Точка. Героиня поет: “Вот кто-то

с горочки спустился». Точка. Желая удачи. Копылов» (V, 97). Тема рассказа «Крыша над головой» — крах патриархальной крестьянской семьи. Символом этого краха становится поджог героем построенного собственными руками дома. Шукшин предельно обостряет проблему раскрестьянивания, отрыва сельских жителей от земли. Его Иван — уже не крестьянин. «Крестьян теперь <...> нет — колхозники», — уточняет «специалист по вопросам старины» Елистратыч (V, 92). Но беда в том, что Иван даже уже и не колхозник, он — бездомный солдат (V, 96). Становится понятна причина выбора песни «Вот кто-то с горочки спустился». В контексте сюжета пьесы «“Крыша” над головой» песня «Мой Вася» приобрела бы нежелательный для областного драматурга смысл, ведь получалось, что «первым будет на Луне» человек, сжигающий свой дом.

Реальность, впрочем, перечеркнула надежды «моего Васи» хоть раз стать первым, а не вторым. Незадолго до публикации рассказа «Крыша над головой» первым на Луне побывал вовсе не русский Вася, а американец Нил Армстронг.

Для писателей-деревенщиков космическая тема периферийна. В произведениях же Шукшина присутствует устойчивый комплекс мотивов и образов, складывается своего рода «космический текст» или «космический миф». Существенная деталь этого текста — на Луну предлагают лететь только те шукшинские персонажи, которые не сумели наладить жизнь на земле.

Старающийся укорениться в жизни Пашка Любавин из второй книги романа «Любавины» с раздражением реагирует на совет Ивана думать про луну, чтобы отвлечься от мыслей о своей несчастной любви:

«— Спи, — посоветовал Иван. — Или думай про луну вон... Там, говорят, холодище!..

— На луне?

— Ага.

— Я ему одно, он — другое. На кой она мне, луна, сдалась? Тут на земле никак не устроишься...» (II, 371).

И, напротив, неприкаянные персонажи повести для театра «А поутру они проснулись...», чтобы отрешиться от земных проблем, совсем не прочь поговорить о луне. «Сухонький» очень

темпераментно нападает здесь на советских ученых, проигравших в «лунной гонке» американцам: «До сих пор на луну не высадились, а по вытрезвителям бегаєте. На луну лететь надо, вот что! — сухонький чего-то осмелел и стал кричать на социолога. — Взяли моду — рису-уют, высмеивают... А на луну кто полетит?! Пушкин? Чем рисованием-то заниматься, на луну бы летели. А то на луну вас не загонишь, а по вытрезвителям бегать — это вы рады без ума. Чего тут хорошего? — бегаєте... Чего тут интересного? Ничего тут интересного нет — хворают люди, и все. Тяжело людям, а вы бегаєте с вопросами. На луну надо лететь!» (VII, 257). Примечательно выражение «сухонького» — «на луну вас не загонишь». У Шукшина на Луну надо «загонять».

В повести-сказке «Точка зрения» (1974) в соцреалистической версии развития сюжета Невеста вспоминает пожилого соседа: «— Когда я еще была маленькой, — заговорила Невеста, — дядя Семен водил меня в планетарий, показывал на Луну и говорил: “Учтите, вы там будете”. И плакал» (III, 278). Семен Кузьмич, уподобленный ни много ни мало Циолковскому (III, 278), плачет, естественно, от умиления и радости. Однако, поскольку формулировка «Учтите, вы там будете» звучит скорее угрожающе, его слезы поколению покорителей космоса ничего хорошего не предвещают.

«Шукшин наделяет <...> Луну значением, связанным с ее «чуждостью»»⁹. При этом тему «чуждой» Луны писатель, «как правило, контаминирует с мотивом чуждости героя, понимаемым в аспекте этическом как морально-нравственная его несостоятельность»¹⁰. Пожалуй, отчетливее всего этот, подмеченный О. А. Скубач, параллелизм между «чуждостью Луны» и «чуждостью героя» прослеживается в рассказе «Срезал» (1970).

Глеб Капустин «срезает» «кандидата» Константина Ивановича в споре о проблемах освоения космоса. Выбор именно этой темы,

---

⁹ Скубач О. А. Луна // Творчество В. М. Шукшина. Энциклопедический словарь-справочник: в 3 т. Т. 2. Барнаул, 2006. С. 103.

¹⁰ Там же.

конечно, не случаен. Глеб Капустин явно испытывает к космической тематике повышенный интерес. После первого предварительного вопроса о «первичности духа и материи» он требует от «кандидата» философского определения понятия невесомости, а кульминацией разговора становятся рассуждения Глеба Капустина о возможной встрече человека с обитателями Луны.

Полет американского корабля «Аполлон 11», несомненно, стал важнейшим событием 1969 года. Маленький шаг астронавта Н. Армстронга по поверхности Луны стал, по его собственному точному выражению, «гигантским прыжком для всего человечества». В советской прессе, впрочем, успех американской космонавтики постарались не заметить. Сообщения о полете американских астронавтов были оттеснены на последние полосы газет — обычный прием идеологической борьбы. «Правда», например, 22 июля 1969 года опубликовала небольшую заметку «Земляне на Луне» только на пятой странице, а первая полоса вышла под «шапкой» «Братский привет народной Польше». Преодолеть беспредельные космические расстояния оказалось легче, чем сблизить позиции двух враждебных идеологий.

Р. Барт в 1954 году в связи с массовым распространением сообщений о летающих тарелках писал: «Тайна “летающих тарелок” была изначально земной: как полагали, тарелки прилетают из неведомой советской сферы, чьи намерения столь же темны, как и намерения инопланетян. Однако уже в такой форме мифа содержалась возможность его космической разработки; летающая тарелка потому столь легко превратилась из советского летательного аппарата в марсианский, что в западной мифологии мир коммунизма фактически считается столь же чуждым, как мир инопланетный; СССР — это нечто среднее между Землей и Марсом»¹¹. Советская мифология ничем от западной не отличалась. Для журналистов «Правды» вступить в контакт с инопланетянами было бы, наверное, гораздо легче, чем найти общий язык с идеологическими противниками из Америки.

---

¹¹ Барт Р. Мифологии. М., 1996. С. 86.

Среди комически нелепых вопросов, заданных Глебом Капустиним «кандидату», только один можно признать по-настоящему философским: «Готовы мы, чтобы понять друг друга?» (V, 76). Ясно, что вопрос этот относится, не к фантастичным селениям, а к вполне реальным жителям земли, и ответ на него может быть только отрицательным: «Не готовы». В рассказе «Срезал» изображена ситуация полной декоммуникации, никто никого не слышит, не понимает и даже не пытается понять. «...Не понял кандидат», «...опять не понял кандидат», — эти и подобные им авторские ремарки тому свидетельство (V, 74).

Космическая тема почти автоматически предполагает обсуждение проблемы контакта с обитателями инопланетных миров. Начало космической эры прошло под знаком ожидания «близких контактов третьей степени». В художественном мире Шукшина контакт чаще всего невозможен.

Мысль о недостижимости полноценного общения с братьями по разуму легла в основу наброска «Как сложили анекдот» из цикла «Выдуманные рассказы»: «Про луну... Один человек добывал какую-то бумажку (справку), измучился, устал, обозлился и “склал” анекдот: “Подлетают к луне, а там спрашивают: “А у вас справка с места жительства есть?”» (IX, 59). Контакт с лунными аборигенами не налаживается по двум причинам. Во-первых, как ни странно, из-за общности менталитета землян и селенитов: лунные бюрократы абсолютно тождественны земным. А во-вторых, ни у одного шукшинского «космонавта» нет справки с места жительства, так как нет и самого места жительства. Мотив бездомности варьируется Шукшиным в пределах широкого диапазона — вплоть до крайнего проявления в последней, незаконченной повести «А поутру они проснулись...», где герой не знает даже названия города, в вытрезвителе которого проснулся поутру (VII, 238).

Неудачная попытка контакта скрывается, согласно гипотезе героя рассказа «Капроновая елочка» (1966), за взрывом Тунгусского метеорита:

«...В девятьсот восьмом году не метеор в тайгу упал, а люди какие-то к нам прилетали. С другой планеты, — заговорил Павел, обращаясь к Федору.

— Ерунда все это, — авторитетно заявил ухажер. — Фантазия.

— Что-то у них испортилось, и произошел взрыв — малость не долетели, — продолжал Павел, не обращая внимания на замечания ухажера. — Как считаешь, Федор?

— А я откуда знаю?

— По-моему, люди были, — сам с собой стал рассуждать Павел. — Что-нибудь не рассчитали... Могло горючего не хватить» (III, 44).

Павел, объясняя причину тунгусской катастрофы, почти дословно повторяет слова Гриньки Малюгина из одноименного рассказа (1962) и Пашки Колокольникова из киноповести «Живет такой парень» (1964). «Меня же на Луну запускали, — рассказывает каждый из героев. — Долетел до половины, и горючего не хватило» (I, 179, 302). В «Капроновой елочке» «малость не долетели» до Земли люди с другой планеты, и «малость не дошел» до Буланово к своей возлюбленной городской ухажер. Только полпути до Луны преодолел, да и то в своих фантазиях, Гринька Малюгин, и его воображаемый роман с ленинградской журналистской развивается по той же модели. Космические коллизии — не что иное, как проекция коллизий земных.

В сознании и в бессознательном поколения, к которому принадлежал Шукшин, инопланетяне — эрзац-заменитель Отца и Бога. Писатель прекрасно осознавал религиозный характер всеобщей жажды встречи с внеземными цивилизациями. У него в рассказе «Верую!» (1971) даже поп предлагает верить не в Бога, а в «космос и невесомость!» (V, 229).

Не без иронии воспроизводит писатель псевдонаучные мечты о всемогущих гуманоидах, готовых облагодетельствовать человечество, в рассказе «Космос, нервная система и шмат сала» (1966). Между стариком Наумом Евстигнеевичем и его квартирантом, восьмиклассником Юркой нет ничего общего, что хоть как-то сближало бы их. Сходятся они только в одном — в отрицании Бога. «Нет у его», — безапелляционно заявляет Юрка. «Странно, но старик в бога тоже не верит», — считает необходимым проинформировать автор (III, 9). Любопытно, что при столь недвусмысленном решении религиозной проблемы, Юрка и Наум Евстигнеевич почему-то, как подчеркивает Шукшин, «частенько

возвращались к теме о боге» (III, 10). Вся непоследовательность атеистической позиции героев выявляется в тот момент, когда разговор о Боге плавно перетекает у них в разговор о космосе. Юрка (что немаловажно — тезка Гагарина) рисует перед стариком захватывающую картину светлого будущего. Причем человечеству даже не надо прикладывать никаких усилий, все блага цивилизации будут получены из рук инопланетян. Обычный путь научно-технического прогресса кажется Юрке слишком медленным: «Быстрее будет построить такой космический корабль, который долетит до Галактики» (III, 11–12). Выросшему без отца, лишенному веры в Бога Юрке только и остается уповать на мифических инопланетян: «Может, где-нибудь есть такие человекоподобные, что мы все у них поучимся. Может, у них все уже давно открыто, а мы только первые шаги делаем. Вот и получится тогда то самое царство божие, которое религия называет — рай» (III, 11). Искомая цель не нова — обретение царства божия, вот только способ достижения этой цели не совсем традиционный. В утраченный рай человечество приведет не вера, не трудная работа над самоусовершенствованием, а добрые и заботливые инопланетяне.

В. П. Астафьев в рассказе «Ночь космонавта» (1972) вслед за В. М. Шукшиным вписывает в контекст космической темы мотив поджога дома, но, в отличие от автора «Крыши над головой», он делает это открыто. Лесник Захар Куприянович со странным спокойствием произносит в рассказе Астафьева фразу: «... коли потребуется, избу спалю — не изубычусь»¹². Захар Куприянович готов спалить избу, конечно, не просто так, а ради спасения потерпевшего катастрофу космонавта, но это мало что меняет, ведь Дом в рассказе — это не только избушка лесника. Астафьев рисует почти апокалипсическую картину: сгорает дом всего человечества — Земля, и дорога в космос начинается

---

¹² Астафьев В. П. Ночь космонавта // Астафьев В. П. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1980. С. 506. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы в скобках.

с этого пепелища. Необходимость космических полетов мотивируется в рассказе исчерпанностью земных ресурсов: «В требухе матери-Земли, вежливо называемой недрами, — скоро ничего уже не останется из того, что можно сжечь, переплавить: все перерыто, сожжено» (507).

Вернувшийся на Землю космонавт Олег Дмитриевич испытывает «непонятное раскаяние перед родным домом, перед отцом <...>, которых он так надолго покидал», и «у него, как у блудного сына, вернувшегося под родной кров, вдруг безудержно покатились по лицу слезы» (497).

Рассказ «Ночь космонавта» был впервые опубликован в журнале «Сельская молодежь» (№ 11 за 1972 год). 20 марта того же года состоялась премьера «Соляриса» А. Тарковского. В финале фильма режиссер «цитирует» полотно Рембрандта «Возвращение блудного сына», недвусмысленно уподобляя космонавта персонажу библейской притчи. Так же поступает и В. Астафьев. Между рассказом и фильмом возникают концептуальные переключки. Герои «Соляриса» в одной из последних сцен говорят о необходимости возвращения на Землю, однако вместо реального возвращения А. Тарковский изображает возвращение фиктивное. Фильм заканчивается тем, что Океан — инопланетный разум — создает фантомную копию отца главного героя вместе с имитацией отцовского дома. Блудный сын А. Тарковского опускается на колени не перед настоящим отцом, а перед симулякром, воплощающим одновременно и физического отца, и Отца Божественного.

Герой В. Астафьева возвращается на Землю, к отцу, по-настоящему. Его путь — из симулятивной реальности в мир подлинного. Так, подкрепившись «божьей пищей» из тюбика, Олег Дмитриевич мечтает: «— Хлебца бы краюшечку, ржаного, с корочкой!» На что лесник иронически откликается фразой: «— Что, ангел небесный, на искусственном-то питанье летать будешь, а на гульбу уж, значит, не потянет?» (505, 506).

Вывод В. Астафьева близок к точке зрения других писателей-традиционалистов: «...Дом родной, он хоть какой суровый, а краше его во всем свете нету...» (505). Но для того, чтобы прийти к пониманию этой простой истины, надо обязательно

отправиться в «бездонную, темную, равнодушную, безголосую пустоту» (530). В. Астафьев говорит об этом дважды. Сначала, цитируя «вызывающий ответ одного из первых космонавтов на глупый вопрос какого-то заслуженного пенсионера, ставший злой поговоркой: “Где лучше жить — на земле или в космосе?” — “На земле! После того как слетаешь в космос!”» (510). А потом уже от лица повествователя: «Стоило бы каждого человека хоть раз в одиночку послать туда, в эту темень и пустоту, чтобы он почувствовал, как хорошо дома, как все до удивления сообразно на земле, все создано для жизни и цветения» (520).

На последней странице рассказа В. Астафьева космос сравнивается с океаном, но это не живой, разумный Океан А. Тарковского. Визуально финал рассказа «Ночь космонавта» напоминает финал «Соляриса», но смысл его противоположен: «...Какое счастье, что есть в этом темном и пустом океане родной дом, в котором всем хватает места и можно бы так счастливо жить» (530).